

СОЦИОЛОГИЯ: ЭПИСТЕМЫ И ЭПИСТЕМОЛОГИЯ

Автор: В. Д. ПЛАХОВ

ПЛАХОВ Владимир Дмитриевич - доктор философских наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена и Санкт-Петербургского государственного университета.

Как научная дисциплина социология представляет собой особым образом организованную систему научных знаний, изменяющуюся в связи с историческими и региональными условиями, которые в совокупности мы должны отнести к объективным факторам эпистемического бытия социологии. Однако наряду с этими объективными факторами эпистемическое бытие социологии, т.е. ее существование как системы специфических знаний, и именно научных, и тем отличающихся от других видов знаний о человеческом обществе - философских, религиозных, литературно-публицистических, обыденных, фантастических, мифических и пр., определяется еще в большей или меньшей мере субъективным фактором, т.е. личностью исследователя, его способностями, талантом, образованием, творческим потенциалом, масштабом и глубиной осмысления социальной действительности, гражданской позицией и т.д. В результате действия названных объективных и субъективных факторов, диалектически взаимосвязанных и обуславливающих друг друга, социология как наука, как особая организация научных знаний, как специфическая эпистемическая система приобретает определенный образ, фиксируемый не только на рационально-логическом, но и уровне эмпирически-чувственного восприятия. Именно этот образ мы называем эпистемическим, который, оказываясь в сфере научного осмысления и переосмысления, академического и пропедевтического описания обретает статус эпистемологического образа. Поскольку вопрос об эпистемическом и эпистемологическом образах социологии как, впрочем, и науки вообще, в общей теории познания и социологии знания разработан крайне незначительно, мы вынуждены наряду с непосредственным решением поставленной задачи затронуть некоторые более общие проблемы эпистемологии как науки о человеческих знаниях в их реально-культурных исторических формах системного бытия.

И начнем с того, что обратим внимание на некоторые фундаментальные факты, не получившие вплоть до настоящего времени, как это ни покажется удивительным, полагающейся разработки и вследствие этого адекватного осмысления. Знания (гр. *episteme*), человеческие знания не существуют сами по себе, "как таковые", в "чистом" виде, вне связи с субъектом, являющимся органичной частью вполне определенной, вполне конкретной социокультурной системы. Как экзистенциальный феномен знания реально есть плод и элемент человеческой культуры, утвердившейся и пребывающей в определенных исторических (временных) и региональных (локальных) границах, в связи с чем они обретают новую, дополнительную форму своего бытия - социокультурную. И говоря о знании, никогда нельзя упускать из виду, что в действительности

мы имеем дело с социально и культурно обусловленными образами знания, или, короче, социокультурными образами, в которые облекаются знания для познающего субъекта, в свою очередь являющегося элементом культурной системы в ее темпоральных и пространственных пределах. Соответственно, знания всегда принимают и необходимо имеют образ, т.е. способ своего объективного и субъективного проявления, - эпистемический образ. Эпистема в реальной действительности есть не что иное как человеческие знания в их культурно-историческом бытии, т.е. в образе, который они, эти знания, необходимо обретают в отношении субъекта к объективному миру, в межчеловеческих отношениях, обусловленных как общими экзистенциальными, так и преходящими закономерностями общественного существования. Можно сказать еще: эпистемический образ - это реальное бытие эпистемы в ее содержательном изменении и движении от одной формы к другой. Нельзя не заметить также, что эпистемический образ, сохраняющий и со стороны формы, и со стороны содержания явно или неявно особенности и закономерности своего генезиса и актуального бытия, имеет решающими условиями существования субъекта с его гносеологическими способностями и наличие социальной памяти.

Определив эпистемический образ как форму, способ существования человеческих знаний в конкретных социокультурных исторических условиях, мы глубже осознаем подлинную природу познания - его зависимость от "времени и места", от особенностей познающего субъекта. И мы знаем, что эпистемический образ, скажем, человека для ортодоксального христианина - это один образ, тогда как эпистемический образ человека для ученого-дарвиниста - это другой образ. Эпистемический образ человека в антропологии XX столетия отличается от эпистемического образа человека в антропологии XIX века. Эпистемический образ человека, с которым мы встречаемся в мифах и в сакральном, религиозно направленном искусстве, весьма далек от эпистемического образа человека, описываемого и исследуемого средствами современной социологической науки. То же самое можно сказать и про сами мифы, искусство, науку - все это эпистемические образы, точно так же, впрочем, как философия, теология, право и т. д. И что касается последнего, то мы знаем, что оно существовало в образах "Римского права", "Саксонского Зеркала", "Русской правды" и других правовых систем, скоррелированных с определенными историческими культурами.

Выяснив общий смысл понятия "эпистемический образ" и установив качествообразующую его особенность - органичную связь с культурными системами, переключим свое внимание на феномен науки. И сразу подчеркнем, что наука и, соответственно, социология как особая научная дисциплина представляет собой сциентистски ориентированный эпистемический образ. И тут, очевидно, требуются дополнительные пояснения. Во-первых, необходимо признать, что научный образ (научное качество) обретают далеко не все человеческие знания. И мы уже указывали на литературу, искусство, журналистику. Альберт Швейцер совершенно категорически заявляет: "Этика и эстетика не являются науками" [1, с. 102]. Во-вторых, существуют знания - теология, богословие, каббалистика и прочие, которые следует охарактеризовать, если вспомнить слова О. Конта, как "фиктивные". К этой же группе основоположник позитивизма относил и философию, базирующуюся более на "воображении", нежели на "наблюдении" и заключающую "смутные мнения". Третью группу образуют сциентистски ориентированные знания, и именно такое их качество - сциентизм служит основанием для отнесения их к группе подлинно научных, или научных в строгом и адекватном смысле. И, наконец, в-четвертых, весьма обширную группу образуют популярные, околонучные, непрофессиональные знания, которые обычно соотносят с массовым, обыденным, повседневным, рутинным сознанием. И что касается социологии, то необходимо по примеру психологов, уже признавших поп-психологию [см.: 2, с. 8 - 9], констатировать факт существования поп-социологии. В этой ситуации вопрос об эпистемической природе науки, ее эпистемическом статусе, а что касается социологии - ее эпистемическом образе, приобретает особую актуальность.

Характеризуя термин "сциентизм" (впрочем, в специальной науковедческой литературе можно встретить и другой вариант: "сайентизм", по поводу которого мы выскажем ниже свое мнение) особое качество научного, в том числе и социологического, знания, необходимо отрешиться от встречающихся не только в популярных, но и научных изданиях односторонних объяснений [по этому поводу см.: 3]. Нужно иметь в виду, что этот термин включает не один, а целый ряд смыслов.

Во-первых, смысл тождественности строго научному подходу, напрочь исключаящему всевозможные религиозные догмы, схоластику, мистику и противоположному мифотворчеству, литературе, искусству, а также разного рода спекулятивным домыслам, обыденным непрофессиональным представлениям, дилетантизму.

Во-вторых, близости понятию позитивной науки, характеризующейся доказательностью и основанной непременно на фактическом (эмпирическом) материале и демонстративно противопоставляющей себя разного рода "философствованию", умозрительным, отвлеченным суждениям, тяготеющим к литературе, а порой и публицистике. Именно в этом смысле социология как сциентистски ориентированная наука об обществе отличается от социальной философии, предметом которой также выступает человеческое общество. Их различие, чего нельзя не подчеркнуть, заключается в подходах к обществу, методах познания общественной жизни, в иерархии уровней мировидения и вообще в дискурсах. Социальная философия как наука об обществе, отличаясь более абстрактным характером, тяготеет к масштабным обобщениям, социология же непосредственно связана с практическими вопросами социального бытия, с конкретными проявлениями человеческого существования. И тут нельзя пройти мимо следующего эпистемологического факта, который не всегда учитывается в отечественных и зарубежных публикациях, а именно необходимости различения двух типов философии: "философии как литературы" и "философии как науки". Существование этих двух типов философии и прежде всего социальной философии не подлежит сомнению. Тут достаточно сравнить творческое наследие Ф. Ницше и К. Маркса, произведения Н. Бердяева и О. Конта, сочинения Фомы Аквинского и Ю. Хабермаса. "Философия как наука" в нашем представлении - непременно сциентистски ориентированная философия. И говоря о философии как мировоззренческом и методологическом основании социологии, нельзя не подчеркнуть, что таковым может служить только сциентистски ориентированная философия.

В-третьих, продолжая речь о сциентизме как эпистемологическом феномене, мы не можем не указать на нередко встречающиеся факты его отождествления с "позитивизмом" в марксистской интерпретации: как науки, философии и методологии, проникнутых метафизическим духом и противоположных диалектике, диалектическому рассмотрению порядка вещей в мире, в соответствии с чем в понятие сциентизма вкладываются, как правило, смысл порочности, нескрываемое уничижительное значение.

В-четвертых, под сциентизмом нередко подразумевают подход, наделяющий неоспоримым приоритетом само знание, саму науку в ущерб человеку, в ущерб принципам гуманизма. Сциентизм наполняется, соответственно, антигуманным смыслом - знания самодостаточного, при определенных обстоятельствах обращающегося во зло, становящегося силой, стоящей над человеком, а также научного института, высокомерно пренебрегающего гуманистическими идеалами. Однако, по нашему мнению, в этом случае вопреки тому, что это может вызвать с точки зрения языка саркастическую реакцию в ученой среде, более уместно использовать термин сайентизм, позволяющий различать две действительно имеющие место альтернативные ситуации. В сайентизме воплощается процесс социального отчуждения научного знания [убедительные примеры сайентистски ориентированной науки можно встретить в: 4].

В-пятых, под сциентизмом понимают научные подходы, свободные от ценностных определений и оценок, а также пристрастных взглядов на действительность. Сциентизм в этом случае отождествляется с так называемым "объективным" подходом в научных исследованиях и философских обобщениях.

Наконец, сциентизм противопоставляется идеологии и особенно резко в тех случаях, когда последняя является собой искаженную картину социальных процессов. Если говорить современным языком, он воплощает идеологическое знание. Кроме того, сциентизм противостоит (противопоставляется) таким моделям знания, которые в современной эпистемологии представляются как "паранаучное знание", "протонаучное знание", "псевдонаука", "девиантная наука".

Мы, характеризуя качество подлинно научного знания термином "сциентизм", вкладываем в него прежде всего первый и в известной мере второй, а также шестой из названных смыслов и подчеркиваем тем самым альтернативность социологии разного рода художественным, спекулятивным, теологическим, непрофессиональным представлениям людей о своем социальном бытии¹.

Из сказанного видно, что встречающиеся исключительно негативные оценки сциентизма нельзя признать вполне корректными. И рассуждая о социологии как сугубо научной дисциплине, определенным образом отличающейся от социально-философских наук, мы неизбежно прибегаем к термину "сциентизм" в его положительных смыслах. Сциентистская направленность социологии - мы предпочитаем говорить именно о таком ее эпистемологическом образе - призвана выразить сугубо научное качество социального самопознания, которое, заметим еще раз, реализуется в социологии, принципиально противостоящей многообразным ненаучным видам и формам, а также методам отражения социальной действительности, отражения, говоря вообще, адекватного и неадекватного, истинного и ложного.

Определив выше, что эпистема - это знание в конкретно-исторических, культурных формах, мы вместе с тем подчеркнули, что наука есть не что иное, как особое качество знания, наряду с которым последние выступают в качествах философии, мифологии, литературы, оккультизма, мистики, искусства и т.д. Собственно научное качество эпистемы выражено в ее статусе, имманентности (названии, обозначении), проблематике, языке, структуре, мировоззренческих и методологических основаниях, парадигматике, дискурсе, понятиях и категориях, доказательствах, персональном составе и т.д. И это - все, о чем мы сейчас упомянули, - полностью распространяется на социологию как отдельную и специфическую дисциплину, стоящую не только в общем ряду многочисленных наук о природе, обществе, человеке, но и занимающую свое особое место в сложной системе общественнознания.

Как суверенная научная дисциплина социология в реальной действительности представляет собой специфический эпистемический образ, в котором воплощается с присущей ей динамикой организация научных знаний о человеческом обществе, его структуре и закономерностях развития. И именно эпистемический образ, заключающий научные знания о человеческом обществе в середине XIX столетия, получил принятое и легитимированное в последующем всем научным миром обозначение (имя) - "социология". И сейчас - в порядке дальнейшего уточнения занимающего нас вопроса - нельзя не заметить, что данное имя получил именно тот эпистемический образ, который сформировался и утвердился во второй половине XIX века в странах Центральной Европы, и прежде всего во Франции, потому что даже совсем рядом в Германии и Англии образ науки об обществе проходил под именем "политической экономии" (марксизм), в Бельгии этот образ принял очертания "социальной физики" (Кетле), а еще раньше в той же Франции - "социальной физиологии" (Сен-Симон) и т.д.

---

¹ Показателен в этом отношении К. Поппер, писавший: "Моя позиция, говоря очень кратко, такова. Я на стороне науки и рационального мышления, но я против тех преувеличенных претензий на научность, которые иногда справедливо осуждаются как "сциентизм". Я на стороне поиска истины и на стороне интеллектуальной отваги в поиске истины; однако, я против интеллектуальной заносчивости и, особенно, против неуместных претензий, будто истина уже в кармане или что мы можем хотя бы приблизиться к несомненному знанию истины" [5, с. 77].

Нельзя пройти мимо и другого интересного в контексте обсуждаемого вопроса факта: в США, этом всемирно признанном центре социологической мысли, в середине уже XX столетия эпистемический образ социологии стал претерпевать ничем не обоснованные трансформации в этологическом направлении, и ученые-социологи стали широко пользоваться вместо названия своей науки "социология" (sociology) названием "поведенческая наука" (behavior science), что для нас лишний раз служит свидетельством реального существования социологии в определенном эпистемическом образе, образе, который модифицируется в соответствии с историческими и региональными условиями, научными авторитетами, статусом науки и т.д.

И действительно, мы говорим и принципиально можем говорить о социологии, независимо от того, осознан этот факт или не осознан, как определенном эпистемическом образе содержательного научного знания о человеческом обществе. А образ этот в реальной действительности может быть историческим - "социология конца XIX века", "социология конца XX столетия", региональным - "американская социология", "русская социология", в связи с личностью ученого - "социология М. Вебера", "социология Э. Дюркгейма", "социология П. А. Сорокина", типическим - "лояльная социология", "критическая социология", "ангажированная социология", в связи с особенностями содержания - "марксистская социология", "структуралистская социология", "социология права", в связи с методами познания - "эмпирическая социология", "позитивистская социология", в связи с культурными эпохами - "социология модернизма", "социология постмодернизма" и т.д. Все это эпистемические образы социологии обретают, как уже было сказано, собственные имена, что позволяет познающему субъекту (ученому, студенту, политическому деятелю и просто любознательным людям) ориентироваться в сложнейшей организации научных знаний о человеческом обществе, коими является социология как суверенная научная дисциплина, подчиняющаяся своим собственным законам и одновременно законам социального бытия, реально выражающегося в образе (образах) жизни.

Подобный кратко описанный нами подход к социологии по существу означает возведение социологии в статус *объекта* научного познания со стороны субъекта-ученого. Таким образом, если объектом познания, объектом научной эпистемы, когда выше мы вели речь об эпистемическом образе в связи с социологией, выступает само общество, то теперь, когда объектом познания становится сама социология, т.е. наука об обществе, или, другими словами, особая и специфическая научная эпистема, мы по логике должны вести речь об эпистемологическом, и следовательно, научном образе суверенной науки об обществе, каковой и является социология. Иначе говоря, в первом случае социология выступает как научно-эпистемический образ общества, во втором же случае социология выступает как эпистемологический образ науки социологии, образ, в свою очередь, имеющий специфическое содержание, историю, на этот раз авторов специалистов-эпистемологов, предполагающий известный набор специфических средств и методов своего исследования, творческие способности, квалификацию субъекта познания и т.д. Простейшим примером представленной ситуации может быть сравнение труда Ю. Хабермаса "Теория коммуникативного действия" (Habermas J. The Theory of Communicative Action, Boston, 1984) и исследование белорусского социолога В. Н. Фурса "Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса" (Минск, 2000).

Сделав на основании вышесказанного общий принципиальный вывод о двойном смысле науки социологии - как "науки об обществе" и как "науки о науке об обществе", т.е. как науковедческой дисциплине, и заметив особо, что в первом случае мы имеем дело с социологией как формой научного самопознания общества, тогда как во втором случае с самопознанием науки, науки социологии, подчеркнем неразрывную диалектическую связь двух образов социологии - эпистемического и эпистемологического и продолжим далее речь по поводу второго.

Признание положения, согласно которому научное познание особенностей и закономерностей знания как органичной составляющей человеческой культуры образует

содержание особой науки - эпистемологии, логично подводит к другому признанию и именно признанию относительно самостоятельной социологической дисциплины - социологической эпистемологии. Установив не только существование, но и эпистемический статус названной научной дисциплины, нельзя не указать на ее молодость и, соответственно, необходимость развития. В данном случае мы остановимся на следующих положениях социологической эпистемологии.

Эпистемический образ - это исторически, культурно обусловленный образ знания с присущим ему содержанием. Эпистемологический образ - это исторически, культурно обусловленный образ непременно **научного знания** о знании, человеческом знании в многочисленных формах его реального проявления - как истинных, так и неистинных, как научных, так и ненаучных. Уяснив это общее положение, необходимо добавить еще одно существенное уточнение, относящееся к социологии: в действительности эпистемический образ, о котором шла речь выше, есть, как правило, эпистемологический образ. И данное положение следует рассматривать как аксиому социологической эпистемологии. Нет и принципиально не может быть, так сказать, "чистых" эпистемических образов социологии, эпистемических образов социологии "самих по себе". Некоторым приближением к эпистемическому образу в его, так сказать, девственном, первозданном, подлинном виде служит в реальной действительности оригинальный авторский текст, но только в тех границах, пока автор не обращается в своем анализе к научному наследию, к тем знаниям, тем достижениям, тем оценкам, которые уже были сделаны другими исследователями. В миг, когда это произойдет, эпистемический образ меняет свой научный статус: он становится эпистемологическим образом, ибо становится объектом научного изучения, научного осмысления и переосмысления, т.е. "рабочим документом" в руках ученого-социолога или учебным пособием для студентов. Примерами, но подчеркнем: опять же очень приблизительными, эпистемических образов общества в науке социологии служат "Основания социологии" Спенсера, "Протестантская этика и дух капитализма" М. Вебера. Эти и другие эпистемы мы склонны определить как *эпистемические памятники* (в социологии). Эпистемологический образ социологии представлен в многочисленных изданиях: "Социология" - авт. Э. Гидденс, "Социология" - авт. Н. Смелзер, "Социология: А - Я. Словарь-справочник" - авт. Т. Лоусон и Дж. Гэррод, "Современная западная социология: теории, традиции, перспективы" - авт. П. Монсон, "Социология: XIX-XX вв." - авт. А. В. Воронцов, И. А. Громов, А. Ю. Мацкевич, "Западная социология XIX-XX вв.: от классики до постнеклассической науки. Эпистемологическое обозрение" - авт. В. Д. Плахов.

Рассматривая природу эпистемологического образа социологии в пределах имеющихся в данном случае возможностей, обратим внимание на шесть нижеследующих моментов.

Во-первых, сам "образный" подход изначально является эпистемологическим подходом. "Эпистемический образ" - это эпистемологическая категория. И как только мы прибегаем к категории "эпистемический образ", мы сразу оказываемся на эпистемологической позиции. Соответственно, эпистемический образ социологии, о котором шла речь выше, является по существу и с точки зрения его содержания, и с точки зрения формы, ставших предметом научного анализа, эпистемологическим образом, т.е. эпистемологическим знанием.

Во-вторых, эпистемологический образ социологии динамичен, он изменяется в связи с: а) - новыми историческими, политическими, культурными и прочими социальными закономерностями. Типичным примером такого изменения может служить в современных условиях марксистская социология; б) - личностью автора или особенностями авторского коллектива. Эпистемологический образ социологии, представленный М. М. Ковалевским (Социология. 1 - 2 тт. СПб., 1910), очевидно, отличается от эпистемологического образа социологии, который создан современным американским ученым Дж. Ритцером ("Современные социологические теории". СПб., 2002); в) - новыми открытиями и достижениями. Тут интересно сравнить две работы одного и того же автора - В. П. Култыгина: "Классическая социология" (М., 2000) и "Современные зарубежные социологические тенденции" (М., 2002).

В-третьих, совершенно неизменным компонентом эпистемологического образа социологии (социологических учений, школ, концепций, гипотез, подходов и т. д.) выступает оценка, являющаяся средством и методом познания. Она может быть неявной и может быть явной, может быть положительной и может быть отрицательной. И если вообще говорить об эпистемологическом жанре в социологических исследованиях, то этот жанр может быть либо догматическим, либо критическим (в широком смысле слова). Причем только второй жанр, критический, и точнее, отличающийся конструктивной критикой, служит средством научного развития, способом движения науки по пути прогресса. Разного рода учебники по социологии, учебные пособия, академические словари и справочники по своему статусу не могут быть отнесены за немногим исключением к научным исследованиям - они представляют собой резервы социальной памяти. Все эпистемологические образы в социологии как и вообще в любой подлинной науке могут и должны быть, следовательно, разделены на догматические и адогматические.

В-четвертых, с точки зрения научного творчества процесс создания эпистемологического образа социологии обязательно предполагает определенный уровень научной эрудиции. Этот процесс базируется на знаниях не только в общих областях истории, философии, политологии, культурологии, но и достаточно специфических дисциплин - текстологии, герменевтики, библиографии, психологии познания, науковедения.

В-пятых, создание эпистемологического образа социологии возможно только при условии профессиональной подготовки ученого-социолога. И как сугубо профессиональный, в ряде случаев требующий узкой специализации процесс создания эпистемологического образа социологии является не только задачей, но и основным содержанием социологической эпистемологии.

В-шестых, социологическая эпистемология, как это следует из вышесказанного, реализуется в соответствующих текстах, дискурсах, дискуссиях, печатных документах. Одним словом, ее отличают свои собственные формы бытия. Но что еще более важно отметить: социологическая эпистемология имеет свою особую историю, и эту историю необходимо резко отличать от реальной истории общества, хотя она, эпистемологическая история, и включена известным образом, так сказать, на правах субъективного фактора, в общую человеческую историю.

И тут мы должны хотя бы кратко выяснить действительное соотношение социологических дисциплин - социологической эпистемологии и истории социологии, поскольку в контексте наших рассуждений и общего эпистемического мировидения возникает необходимость некоторого переосмысления места и значения последней в социологическом самопознании.

Понятие - "история социологии", как, впрочем, и более общее понятие "история науки", включает два смысла. Один смысл выражает реальный процесс развития науки во времени - в нашем случае социологии - как особой и специфической системы знаний, организация которой подчиняется одновременно и всеобщим (скажем, диалектическим) законам мироздания, и достаточно общим социальным законам (экономическим, политическим, этическим и пр.), и своим собственным особым законам (традиции и др.). Именно в этом ракурсе социология, как и в целом наука, являющаяся в действительности субъективным атрибутом, точнее говоря, продуктом соответствующей субъективной (научной) деятельности, тем не менее по определенным законам (их рассмотрение требует отдельного места) обретает черты объективно существующей и исторически изменяющейся системы знания, которая при определенных социально-исторических и культурных условиях становится предметом познания со стороны человека (ученого). В такой ситуации, т.е. когда исторически развивающуюся (изменяющуюся) систему социологического познания общества субъект-ученый, ученый-социолог, социолог-историк делает предметом своего анализа и научного описания, необходимо говорить уже о "писаной истории", писаной истории социологии. Такая - писаная - история, писаная история социологии, являющаяся на сей раз уже субъективным образом реального процесса движения научных (социологических) знаний во времени, составляет особый самостоятельный раздел науки эпистемологии, называемый "исто-

рией социологии". Как видно, эта дисциплина - "история социологии" является от начала и до конца эпистемологической дисциплиной. В представленной ситуации мы имеем дело со знанием истории знания, со знанием социологической эпистемы в ее историческом развитии (изменении). И тут задержим свое внимание в очередной раз.

Если социологии как науке об обществе свойственны два уровня познания социальной действительности - популярный и сциентистский, "история социологии" остается во всех случаях исключительно сциентистской социологической рефлексией, т.е. это наука, самостоятельная научная дисциплина, предполагающая строго профессиональную деятельность ученого-специалиста, его образовательную подготовку. Существование научной дисциплины "история социологии" полностью связано с компетенцией, профессиональными знаниями и профессиональными навыками социолога-историка (социологов-историков).

Оставаясь при всех условиях не только социологической, но и эпистемологической дисциплиной, в которой находит свое воплощение самопознание науки социологии в ее историческом самодвижении, писаная история социологии обретает свое собственное реальное бытие со свойственными ей временными вехами и этапами - хронологией и социально-культурными особенностями (закономерностями). И, как известно, мы совсем недавно различали, да и сейчас различаем писаную "советскую" (марксистско-ленинскую) и "западную" (буржуазную) истории социологической мысли. Их кардинальное различие заключается не только в расходящихся методологиях, но и "точках зрения", иными словами, в интерпретации научного материала. Вообще надо заметить, что оценка как вид и момент познавательной деятельности субъекта неизбежно присутствует во всякой эпистемологии и если ограничиться в наших рассуждениях только одним видом оценок - сугубо социолого-эпистемологических, наряду с которыми могут быть оценки политические, экономические, религиозные, этические, лингвистические и пр., то их объектом во всех случаях служат знания, в частности, "истинные" или "ложные", "оригинальные" или "компилятивные", "глубокие" или "поверхностные", "базисные" или "справочные" и т.д. Это общее эпистемологическое положение целиком и полностью распространяется и на историю социологии - науку, в данном случае более всего интересующую нас.

Завершая весьма далекое от требуемой полноты обсуждение социологической эпистемологии, задержим свое внимание на уже упомянутом эпистемологическом феномене - историческом образе и именно историческом образе социологии. Собственно, в числе многочисленных задач, которые призвана решать наука "история социологии", весьма значимым является анализ динамики образа социологической науки. В самом деле, с годами и десятилетиями социология не только содержательно меняется, но и меняется ее восприятие новыми поколениями, представленными не только учеными-специалистами, но относительно широкими массами политических деятелей, сотрудников СМИ, студентов, школьников-старшеклассников и т.д., что связано, с одной стороны, с объективными историческими (культурными, политическими, социальными условиями, а также общенаучными и собственно социологическими достижениями и интенциями), а, с другой стороны, количественными и качественными изменениями самого субъекта исторического процесса с его эрудицией, идеологией, психологией, воспитанием и образованием. И то, как действительно исторически меняется образ социологической науки, можно проследить, сравнивая тексты многочисленных монографических изданий на протяжении хотя бы последних десятилетий как за рубежом, так и в нашей стране, содержащие весьма различающиеся по масштабам, глубине, оценкам рассуждения и выводы. И вряд ли кто будет оспаривать сейчас тот факт, что образ науки социологии в нашей стране исторически существенно, если не сказать кардинально изменился, если сопоставить друг с другом две эпохи - советскую и нынешнюю. При советской власти социология рассматривалась продолжительное время как "буржуазная" наука и имела официально узаконенный статус "антинауки", "лженауки". Одним из положительных моментов так называемого пере-

строенного процесса на научном фронте в нашей стране стало узаконение социологии в ее адекватном научном статусе и обретение образа подлинной науки.

То, как изменяется в целом образ науки социологии в ее истории, отражается понятиями "классической", "неклассической" и "постнеклассической" социологии. Анализ этого сложного многостороннего эпистемологического процесса в настоящее время обретает несомненную актуальность. И указывая на это, мы должны, прежде всего, констатировать его связь с социологической парадигматикой. Действительно, становление классической социологии базировалось на общенаучных и обществоведческих знаниях, достигнутых во второй половине XIX века и получивших свое в весьма различных степени и формах осознанное в научном мире нормативное закрепление в социологической парадигме. Ее, эту исторически первую в социологии парадигму, так и следует представить - как "классическую". Именно она предопределила первый исторический образ науки социологии, который - и это сейчас общепризнанно - именуют "классическим". Ее содержание описано нами в порядке научно-исследовательского опыта в монографии "Западная социология XIX-XX вв.: от классики до постнеклассической науки. Эпистемологическое обозрение" (первое изд. 2003 г.; второе изд. - 2006 г.). Отмечая теперь, что в своем историческом движении социологическая наука находится на этапе, как принято его называть, "неклассическом" и, возможно, приближается уже к следующему, третьему, этапу - "постнеклассическому", мы сталкиваемся с серьезной задачей социологической эпистемологии - содержательного воспроизведения парадигм, определяющих новые, видоизменяющиеся исторические образы социологии. И тут обратим внимание на следующее.

Смену классической детерминистской картины мира вероятностно-статистической картиной, развитие общей и частнонаучных теорий информации, явное тяготение многих живших и работавших по времени относительно близко к нам социологов к коммуникативным моделям социальной системы (К. Ясперс, Ю. Хабермас, Н. Луман, Г. Лассуэл и др.) можно рассматривать как основания для формулирования социологической парадигмы, определяющей новый, "неклассический" образ социологии на современном этапе ее исторического содержательного и формального изменения. Одновременно здесь придется учитывать, по нашему представлению, и открытия таких наук как кибернетика и синергетика. Распространение "игровых методов" исследований в социологии нашего времени можно с определенным прицелом на будущее социологической науки представить как начала "постнеклассической" парадигмы.

И здесь еще раз надо подчеркнуть, что все эти вопросы требуют внимательного и всестороннего обсуждения и возможно полемики в рядах социологического сообщества. При этом нельзя упускать из виду следующую принципиально важную методологическую установку. Парадигмы, определяющие образы "неклассической" и "постнеклассической" социологии, не отменяют основных положений парадигмы "классической" социологической науки, а дополняют новыми положениями, обогащают современным содержанием и означают их более глубокое осмысление и соответствующую коррекцию. Во всех подобных условиях в научном познании действует общая закономерность, отчетливо проявившаяся при формировании в XX столетии новой физической картины мира на основе открытий квантовой механики и теории относительности, которые не отменили фундаментальных принципов классической ньютоновской механики, а включили их в свое содержание как частный случай.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Швейцер А. Культура и этика // Благоговение перед жизнью. М., 1992.
2. Современная психология. М.: Инфра-М, 1999.
3. Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. М., 1980. С. 362; Социологический энциклопедический словарь. Редактор-координатор Г. В. Осипов. М., 2000. С. 353; Кармин А. С., Бернацкий Г. Г. Философия. СПб., 2001. С. 456 - 459 и др.
4. Вайсман Б. Психиатрия - предательство, не знающее границ. М" 2002.
5. Поппер К. Эволюционная эпистемология: подход и проблемы // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. Карл Поппер и его критики. М.: Эдиториал УРСС, 2000.